

Читая это, я в принципе мог представить, что случилось с Дунцанем. Не важно, с каким демоном он боролся. Причина его депрессии — любовь к женщине.

Люди из клана Чжан плохо понимают, что такое любовь. Это я понял, общаясь с младшим братом. Мы знакомы давно, но я не видел, чтобы он к кому-то проявлял хотя бы видимость теплых чувств или хотя бы примитивных эмоций.

Согласно психологии и физиологии человека, даже святой, если он не накачан наркотиками, будет испытывать эмоции. Например, выращивая цветы, он испытывает удовольствие, и чувствует желание повторить приятный момент. Но любимое занятие младшего брата — смотреть в никуда, застыв в оцепенении. Если у него и были какие-то желания, то они ограничивались стремлением сидеть, словно каменная статуя.

Он уже достиг зрелого возраста, но, как мне кажется, никогда не проявлял интереса к женщинам. Он их вообще не замечал. И вообще, я не замечал, чтобы он беспокоился о своем питании или проявлял заметный интерес к какой-нибудь информации. Может быть, какие-то интересы у него и были, просто он не показывал этого. У меня даже иногда мелькала бредовая идея: если судьба подарит мне шанс снова его увидеть, надо скормить ему несколько самых крупных шпанских мух. Правда, не знаю, может у него есть иммунитет и от них. (прим. Шпанская муха с древних времен считалась сильным афродизиак. Говоря об иммунитете, У Се имеет в виду свойства крови Молчуна, отпугивающие насекомых и способные в некоторой степени нейтрализовать их яд.)

Я всегда считал людей из клана Чжан бесчувственными, не способными к эмпатии. Но Дунцань, видимо, был исключением. И я хорошо знаю, чем может закончиться любовь мужчины, воспитанного в таких условиях. Он вел жизнь аскета, обучение в клане Чжан было очень строгим, почти жестоким, чтобы сформировать экстраординарные навыки, развить все качества мышления и равнодушие к окружающему миру. Любое чувство, которое обычный человек даже не заметит, аскета повергнет в шок. И особенно страшными будут последствия неразделенной или трагической любви.

Я не мог не вспомнить Толстяка.

Он обычно легко справлялся с болью. Для нормального человека горе и радость — всего лишь две противоположные друг другу эмоции. Толстяк умел заглушать боль, подшучивая над собой и окружающими, замещая свои чувства жадностью. Но даже он в какой-то момент не смог легко справиться с горем. Что говорить о человеке из клана Чжан, который вообще не имел опыта эмоционального самоконтроля.

Полагаю, Дунцань влюбился в местную девушку, пока жил в Канбало. Но потом она умерла, или еще что-то случилось. Возможно, Дунцань сумел с этим справиться, но не видел смысла оставаться здесь дальше.

Это было похоже на сюжет низкосортного фантастического телевизионного фильма, воплотившегося в реальную жизнь. В этой комнате младший брат обнаружил, что камни в стенах не просто закреплены раствором, это был бетон.

Причем, очень прочный бетон, лишь на первый взгляд, напоминавший обычную глину. Такой раствор застывает очень быстро. Но есть один момент: какой бы высокой не была скорость затвердевания раствора, вода в его составе превратится в лед при низких температурах быстрее. Значит, прежде чем залить стены бетоном, помещение надо было прогреть, как следует.

И как в этой глухой и холодной горной деревне удалось так качественно забетонировать стену? Сначала Молчун тоже не мог этого понять, но чувствовал, что причина проста. Поэтому прямо спросил старшего тибетца, зачем здесь залив бетон.

Тот ответил, что понятия не имеет, что такое бетон. Они нашли это в обломках железной птицы, упавшей с неба. А позже обнаружили, что это вещество при смешивании с водой в тепле может превращаться в камень. Очень удобно, чтобы скреплять кирпичи.

Железная птица упала здесь три года назад. Люди, приходившие в деревню из внешнего мира, сказали, что это называется самолет. Если Молчун хочет увидеть обломки, они отведут его к месту крушения. Но он качал головой, продолжая расспрашивать о девушке. Интуиция подсказывала ему, что все это как-то связано между собой.

Старший тибетец рассказал, что эта девушка в самом деле была возлюбленной Дунцаня.

Из-за нее он и остался в деревне. Девушку собирались принести в жертву демонам, а он хотел ее спасти.

И если Дунцань не объявится, то вскоре жертвоприношение будет завершено, ибо истекает десятилетний срок. В ближайшее время надо провести необходимый ритуал.

Выслушав объяснения, Молчун решил, что в нем нет логики. Казалось, все идеально, но он заметил серьезное несоответствие.

Изготовление бетонного раствора требует точного соблюдения пропорций. А еще он не припоминал, чтобы в этом районе три года назад пропал самолет. Здесь даже военная авиация редко появляется, есть лишь пара известных воздушных путей над Гималаями.

Если самолет упал именно здесь, он должен был сильно отклониться от своего курса. Молчун спросил старшего, сколько человек лично видели демона, о котором они говорят?

И тут, словно по мановению руки все примолкли. Старший же ответил, что, несмотря на победу над демонами в прошлый раз, многие погибли. Выжившие продолжали умирать в течение года. Сейчас осталось лишь семеро, кто видели демона вживую.

А я задумался. В то время жители Канбало уже знали о существовании внешнего мира. Почему же они оставались в деревне, подвергая себя риску?

Они имели связь с внешним миром, и некоторые даже прекрасно приспособились к жизни там. У них были ружья, значит, знали и о более мощном огнестрельном оружии. И у них было достаточно золота, чтобы купить его. Раз смогли своими силами справиться с демоном в прошлый раз, кто мешает купить шесть или семь пулеметов — и все будет в порядке. Как бы не был хорош Дунцань, сравниться с силой огнестрельного оружия он не мог. Я вот точно знаю, что с пулеметом в руках точно смогу противостоять младшему брату.

Но сейчас мои рассуждения уже не имели смысла.

Когда мы добрались до этой части записок, шел уже седьмой день моего пребывания в храме лампы. Несколько дней кропотливого изучения записей вымотали меня, к тому же тибетская еда оказалась непривычной. Мне казалось, что я достиг предела своих возможностей. Однако, обстановка здесь казалась мне комфортной. Из-за холодной погоды я почти не выходил на улицу, угольные печи и войлок в комнате создали вокруг теплый барьер, от которого комната казалась уютным гнездышком. Я даже привык к странному запаху одеял и по ночам очень

крепко спал.

Парой месяцев раньше я обязательно нашел бы время спуститься с горы за привычной едой. Жирная тибетская еда каждый день — серьезное испытание для моего желудка. Но я уже столько всего пережил и не считал капризы своего организма причиной для перерыва. Мне казалось, что, если я прервусь хоть на мгновение, то упущу время, и что-то непоправимо изменится. А пока я здесь, все под моим полным контролем.

В мире, где я оказался, за любым нераскрытым секретом наблюдает множество глаз. И кто-то всегда ждет, когда я отойду от своего стола хотя бы на одну секунду.

Я попросил своих спутников спуститься с горы и купить мне немного овощей и муки, а затем найти повара, который согласится готовить для меня в храме. Для начала я пожелал, чтобы мне приготовили рис с соевым соусом, а потом потихоньку выклянчил, чтобы туда положили чуток бекона.

На какое-то время я отвлекся от чтения. Несколько раз порывался вернуться к своему занятию, но наваливалась сильная усталость. Увлеченный, последние дни я совсем не отдыхал, и теперь организм требовал перерыва.

За это время мы сдружились с Чэнь Сюэханем. Он с интересом изучал эти записки вместе со мной, мы обсуждали сложные моменты. Но время от времени в храм прибывали гости, и старший лама просил его помочь проводить их из города сюда.

Я редко выходил из комнаты и не знал, что за гости появились здесь. Он предложил мне представить их. Все обычно собирались в трапезной. Там было много людей, все мне незнакомо и, кажется, даже не родом из Медога. Захватив с собой еду, я собирался поехать там и поговорить с гостями, но вдруг понял, что обстановка здесь странная.

Кажется, люди, прибывшие в храм, родом из Гуандуна или Гонконга, в их поведении и внешности чувствовался кантонский колорит. Они были похожи на туристов-рюкзачников и все обедали в трапезной. Чэнь Сюэхань сказал, что они приехали через три дня после меня. Но в то время я был полностью погружен в изучение записей, всегда ел в своей комнате, поэтому не заметил их прибытия. Эти люди приехали из Гонконга, их организация называлась "Зеленый дом". Есть даже сайт в интернете, где они обсуждают свои туристические маршруты.

Администратор сайта, где тусовались эти туристы-рюкзачники, был в хороших отношениях со старшим ламой, они друг друга давно знали. Эти люди собираются жить в храме до следующего месяца, а потом пойдут в горы, чтобы фотографировать снежные вершины. Сейчас погода не слишком хороша для этого, поэтому они остаются здесь. Эти люди приезжают сюда каждый год, и Чэнь Сюэхань частенько работает у них проводником.

Меня это не слишком заинтересовало, я просто поздоровался с присутствующими. Правда, не только ламы могут рассказать что-нибудь интересное, но мне сейчас не хотелось впускать в свою жизнь посторонних. Трапезная храма небольшая, и стольким людям здесь было тесно, поэтому ламы теперь временно обедали в другом крыле храма.

Оглядевшись, я решил, что стоит продолжить чтение со старшим ламой, чтобы иметь возможность задать ему вопросы, и, закончив есть, отправился в его комнату. Но, войдя внутрь, опешил. Ламы там не было, зато с комфортом расположилась группа иностранных туристов.

Конечно, в сравнении с Гонконгом, семь человек иностранцев — не так уж и много. Но ламы

проводят много времени в медитации, шумная обстановка им будет мешать. Возможно, поэтому они ушли в другое крыло.

Найдя Чэнь Сюэханя, я поинтересовался, почему отдаленный тибетский храм превратился в подобие придорожного отеля. Меня смущало, что это произошло сразу после того, как сюда попал я. Чэнь Сюэхань тоже не знал ответа. Этот храм не изолирован от внешнего мира. Но за исключением нескольких постоянных групп туристов, мало кто сюда приезжает.

Возможно, моя карма настолько улучшилась, что из-за меня изменился в лучшую сторону фэн-шуй храма, и он стал так популярен. Но я не знал, где найти старшего ламу и его учеников. Может быть, они укрылись на верхнем этаже, куда нам запрещено входить. Пришлось найти младшего ламу и попросить передать старшему ламе, что я хочу с ним поговорить. В конце концов, у меня крутилось в голове множество вопросов, которые требовали ответа. Но младший лама сказал, что сейчас не время. Он сообщит мне, когда старший лама сможет поговорить. Я не могу требовать его внимания к себе, когда заблагорассудится.

Скучая, я бродил по храму, стараясь избегать людей, поэтому отправился в самый дальний внутренний дворик. Здесь бесчисленное множество таких укромных мест. Площадь некоторых двориков столь мала, что они напоминают колодцы. Прежде чем добраться до самого дальнего, я миновал три или четыре таких дворика, и почти уже не слышал человеческих голосов. Можно сказать, добрался до самого уединенного места во всем храме.

Здесь на стенах красовались пестрые буддистские фрески. Но роспись долго находилась под открытым небом, краска облупилась, и их содержание было невозможно разобрать. И там я увидел фигуру человека, который сидел, словно в оцепенении и смотрел в никуда.

Но просто подойти к нему я не мог решиться. Слишком знакома была мне эта спина. Я даже задумался, не сон ли это? Или я попал в другое время и измерение?

Это спина младшего брата. Он был одет в черную зимнюю куртку и тихо сидел на камне посреди внутреннего дворика, запорошенный снегом. Казалось, ему холод нипочем, он совершенно погрузился в свой собственный мир.

<http://tl.rulate.ru/book/89763/3194054>